• ОСТАНОВИТЬСЯ, ОГЛЯНУТЬСЯ •

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ КАЗАКА ИВАНА СОЛОВЬЕВА

Рубрику ведет Алексей АННЕНКО

Легендами овеяно в Хакасии имя Ивана Николаевича Соловьева, пришедшее к нам из далеких двадцатых. Он предстает в разных обликах: бандитом, защитником угнетенных, неуловимым Робин Гудом, алчным грабителем с большой дороги, владельцем несметных золотых запасов, спрятанных им где-то в горах, бескорыстным народным героем, борцом за «белую идею», антисоветчиком и даже «императором тайги». С ним недолгое время боролся «всадник, скачущий впереди», будущий детский писатель Гайдар, имя которого одними вознесено, другими проклято. По свидетельству доктора исторических наук В.Я. Бутанаева, для хакасского народа — по крайней мере, для стариков — Соловьев почти национальный герой, а Гайдар, или Голик (от его фамилии — Голиков) — воплощение шайтана, злой человек.

Бывает — путает человеческая память, не бывает, чтобы ошибалась память народа...

Когда вы подъезжаете к селу Устинкино, расположенному на реке Черный Июс, вам непременно покажут гору Соловьева, где находилась одна из многочисленных стоянок его отряда. Отдыхающим в «Карасуке», близ поселка Орджоникидзевский, расскажут о «соловьевской пещере», в которой якобы атаман прятал награбленные ценности и, наверное, кое-что оставил. С именем Соловьева до сих пор связана гора Поднебесный Зуб в верховьях Белого Июса, где был расположен его штаб. И даже окружающий таежный массив, издавна называемый по-хакасски «Огыр-тайга» («Воровская тайга»), т. к. хакасские конокрады угоняли табуны в эти места, после пребывания там соловьевского отряда «повысил» свой статус до «Бандит-тайга».

Возможно, сегодня, 12 августа — день его рождения. Возможно — потому что точно мы не знаем. Так предложил известный русский писатель Владимир Солоухин в своей книге «Соленое озеро»: «... День именин его мы не знаем, поскольку не знаем дня рождения. Ведь Иоаннов в году отмечается несколько. Иоанн Златоуст, Иоанн Предтеча, Иоанн Лиственник... Я бы предложил чтить Ивана Николаевича в день Ивана — Воина. Этот день православная церковь отмечает 12 августа по новому стилю...» Что касается года, то и здесь нет ясности. В агентурном донесении, хранящемся в архиве ЧОНа (частей особого назначения), говорится: «Соловьев Иван Николаевич... примерно 1894 года рождения». Есть указания на 1887 год, на 1888 (но тогда он никак не мог родиться, потому что в этот год появилась на свет сестра Анна). Наверное, он родился в 1890 году...

Точно мы знаем день мученической смерти. Не 4 апреля 1924 года, как почему-то утверждал писатель. Уполномоченный ОГПУ по Хакасскому уезду Пакалн сообщал в своем секретном отчете: «... *Встала задача покончить с Соловьевым тем или другим путем. В результате задача выполнена блестяще. По заданию нашему командиром Хакасского Отдельного эскадрона т.Зарудневым с его бойцами 24 мая с/г* [1924] *на станице Чебаковского района Форпост* (нынешнее Соленоозерное Ширинского района) *Соловьев, Чихачев и двое бандитов были убиты, 4 же бандита взяты в плен...*»(1

Следовательно, 75 лет назад. Две даты. Есть повод вспомнить о его судьбе...

ЧЕКИСТСКОЕ «СВИДЕТЕЛЬСТВО»...

К компьютеру, на котором я начинаю писать это документальное повествование, где затронуты судьбы многих и многих людей, жизненный путь которых у кого закончился, а у кого продолжается и поныне, прислонена старинная фотография, наклеенная на картон.

— Когда в 1977 году я был консультантом фильма «Конец императора тайги», — вспоминается мне рассказ Виктора Яковлевича Бутанаева, — легко подобрали типаж главного героя — Гайдара. А Соловьева никто не знает, ни фотографий, ничего. Обратились тогда, по-моему, к КГБ или еще к каким-то серьезным организациям. И нашли в делах фотографию его. Но уже убитого.

— Как фотографию убитого?!

— Да. То есть, когда застрелили его, то потом, через какое-то время, сфотографировали. Я так понимаю, для того, чтобы засвидетельствовать «выполнение задания». Для этого отправляли в высшие чекистские органы фотографию или отрубали и отправляли туда голову. Например, голову знаменитого Ионки Майнагашева, орудовавшего здесь в долине Абакана. Кстати, Ионка был племянником известного политического деятеля Степана Дмитриевича Майнагашева.

Иван Николаевич Соловьев

Отправлял же его, так сказать, бывший друг — Яков Прокопьевич Т. Он мне это сам рассказывал...

Да, думаю я, только теперь и друзья, и недруги, и равнодушные впервые смогут увидеть, каким же он был — «император тайги» первой половины далеких двадцатых годов. Это не пухлый, неказистый мужчина, чей портрет помещен в книге Владимира Солоухина «Соленое озеро», и не бандит из известного фильма. Этот бравый казак мог повести за собой людей! Ему могли подчиняться и офицеры царской армии, и выпускник Томского университета, и неграмотный таежник, служившие в его отряде. Ему могли верить. Ему хайджи, поющие под чатхан о подвигах древних героев, могли посвящать свои тахпахи (исполнявшиеся тайно, для близких):

Буйный Июс за спиной у нас, Земля отцов за спиной у нас. Мы покинули мирный родной очаг, Разорил его лютый враг.

Но винтовки меткие у нас за спиной, Каждый патрон — береги. Мы в родной тайге, Соловьев, с тобой Прячемся, как враги.

Но ружье в руке, а пуля в стволе И сабля острая на боку. С бесчинствующими на родной земле Не сражаться я не могу...

(Лит. обработка В. Солоухина)

Я переворачиваю фотографию и читаю на обратной стороне надпись, сделанную теперь уже выцветшими чернилами, размашистым почерком: «На добрую память дорогой сестре Елизавете Николаевне Соловьевой от брата Ивана Николаевича Соловьева...» Дату в правом нижнем углу теперь уже не разберешь. Все-таки написана она уже более 80 лет назад.

... Совсем еще недавно что мы знали о Соловьеве? Вот так писали в семидесятых годах: «... *Затяжной была борьба с крупной бандой Соловьева, действовавшей в северо-западных районах Хакасии. Эта банда отличалась особым зверством. Укрываясь в тайге, она совершала оттуда налеты на мирное население. Бандиты действовали осторожно. В открытый бой вступали не всегда, базы свои устраивали в непроходимых таежных дебрях.*

В банде было много таежников, знающих каждую тропку, стежку. От бандитских шашек и пуль гибло много коммунистов и комсомольцев, борцов за Советскую власть...

Банда Соловьева, переходя от одного населенного пункта к другому, чаще всего совершала внезапные нападения, грабя, убивая и насилуя... В конце 1922 — начале 1923 гг. при поддержке добровольцев из местного населения нанесли бандитизму смертельный удар...»(2

И только в последние годы стали появляться публикации, которые показали — вышеприведенное не совсем соответствует действительности. Особенно широкий резонанс вызвала книга известного русского писателя, к сожалению, ныне покойного, Владимира Солоухина. Несмотря на многие существенные неточности, в его книге, как сказано в аннотации, «*ярко выписан каратель-«чоновец» Аркадий Голиков (впоследствии Гайдар), даны как его личность, так и действия по борьбе с партизанским отрядом Ивана Соловьева — последним, в сущности, очагом вооруженного сопротивления большевикам на всей территории бывшей России*»(3

«НАСТОЯЩИЙ КАЗАК...»

... Обычная пятиэтажка на одной из городских улиц. Я в гостях у Тамары Андреевны О-вой, дочери старшей сестры Ивана Николаевича Соловьева. Она рассказывает:

— Меня не может не волновать память о моем родном дяде Иване Николаевиче Соловьеве. Мне о нем, кроме как в семье, не приходилось еще ни с кем говорить. Вот посмотрите — его фотография. Вы знаете, та, что помещена в книге «Соленое озеро» — не его. Человек, изображенный там, совсем не похож на нашу родню. А на этой фотографии — вот он, настоящий казак... Долгое время я и сама ничего о нем не знала. Мама с отцом от нас скрывали. В то время они жили в таком напряжении. Белые приходят — ставят под ружье. Красные приходят — тоже ставят под ружье. Из Малого Сютика, что недалеко от Копьево, уехали в Бейский район. Это, наверное, спасло маму от преследований. Там мы и жили.

Мама иногда рассказывала, что он был в отряде. Мы интересовались, что он делал. Она говорила: «А кто его знает? Я не в курсе дела. Знаю, что у него в отряде большинство было хакасов. Говорят, что он грабил бедных, другое, третье. А неправда! Он, наоборот, бедным раздавал. Никогда не обижал никого...» Вот это ее слова. Говорила: «Дети мои, не верьте, он не зверь, никогда никого не обижал, последнее все отдавал». Мы настолько жили бедно, а если бы он был богатый, как говорят, золото у него было, неужели он бы своих родных сестер обидел? А мы так бедненько жили. Вот на фотографии я с мамой и братом. В пионерском галстуке, но не видно, что в дырявых галошах... Я вот кино смотрела «Конец императора тайги». И так мне не понравилось, такой он там страшный, показали какого-то лохматого... Я же могла сравнить с фотографией...

Она не знала, что артиста (не в обиду ему будь сказано) подбирали по фотографии мертвого Соловьева...

— Насколько соответствуют воспоминания племянницы Соловьева с тем, что говорят архивы? — спрашиваю я у кандидата исторических наук Александра Петровича Шекшеева.

— Они подтверждаются в той части, что Соловьев разрешал брать у населения лишь продукты и предметы первой необходимости, которые распределялись по установленному порядку. Известны его приказы командному составу вести себя с «партизанами» вежливо. При допросе жены его «начальника штаба» та сказала, что Соловьев и с малым образованием был мягкий по характеру и очень умный...

По ЧОНовским документам, Соловьев был честолюбив, осторожен, до наглости предприимчив, обладал громадной силой воли, пользовался сочувствием населения, но отличался корыстолюбием... Рядовые повстанцы и взводные вспоминали его как человека с сильным характером и волей, не допускающим и мысли попасть под чье-то влияние. В отряде Соловьева никто не знал, куда и зачем он идет, подчинение предводителю было полным. Хорошим воином Соловьева считали и враги, и сторонники... Взгляды и натура Соловьева во многом определяли жизнь «банды». Пьянство в отряде было запрещено, поддерживалась строгая дисциплина. Провинившихся наказывали выстойкой под винтовкой, розгами, а двоих за изнасилование расстреляли. В личной жизни предводитель не отличался от рядовых членов отряда, в обращении с ними был мягок и любезен. Своих мыслей он не высказывал, окружающие становились свидетелями лишь его действий. Если отличившихся поощрял офицерским кителем, часами или объявлял благодарность сам, то это высоко ценилось. Какое-то время на Поднебесном Зубе существовала модель общества, в которой большинству населения жилось лучше, чем при белых и большевиках. И даже рождала некие художественные образы, например, в стихах «соловьевца» А.В. Кулакова...

ЗЛОЙ РОК В ОБРАЗЕ БОЛЬШЕВИКА ПЕРЕВАЛОВА

Семья потомственного казака Николая Нестеровича Соловьева жила в станице Форпост, основанной еще во время покорения Сибири и переименованной при Советской власти в Соленоозерное. У него с женой Лукерьей Петровной было трое детей.

По каким-то неясным причинам некогда богатый казак Николай Соловьев разорился. И поэтому на жизнь семьи зарабатывал по-разному: занимался производством извести в тайге, пастушил... Старшая дочь была в услужении у местного попа, попросту батрачила. А затем встретила свою судьбу — лихого казака Андрея Ворошилова из Малого Сютика. Бывший хозяин их и обвенчал. Младшая дочь, Елизавета, к годам лихолетья была еще девчонкой.

Сын Иван помогал отцу и в работе, и на домашнем подворье. В 1911 году был призван на службу в казачью сотню в Красноярске. Политикой, судя по всему, не увлекался, поскольку, вернувшись домой после Февральской революции, в активистах не ходил, а стал попрежнему вместе с отцом выжигать известь. Вскоре женился на Анастасии Григорьевне Осиповой, вдове, по матери хакаске.

Во время «колчаковщины» Соловьев был мобилизован и служил урядником в Енисейском казачьем полку. Участвовал в боевых действиях, был ранен. После возвращения домой, 4 марта 1920 года, был арестован без объяснения причин.

Соловьева вместе с другими арестовал большевик М.Х. Перевалов, жаждавший мести, и препроводил в Ачинский Дом лишения свободы с соответствующими обвинительными документами. Можно ли было считать их правдивыми, если по одному он проходил как «опасный» для Советской власти, а по другому — как совершивший «уголовку»? Виной было уже то, что Соловьев — казак, а тем более урядник.

Зато известно, что у Перевалова имелся большой счет к служившим у Колчака. Сам он был из Ачинска, а на Черный Июс осенью хаживал на охоту, там у него была заимка. На фронте его ранило, в родные места он вернулся большевиком. Любил показать свою власть... Его во времена Колчака долго и безуспешно искали шарыповские дружинники, и избежать возможной казни Перевалову удалось лишь отсидевшись в таежной глухомани, на своей заимке, так и не найденной шарыповцами.

Судьбе было угодно, чтобы в 1920 году и Иван Соловьев, сбежавший с земляками 9 июля 1920 года из Красноярского концентрационного лагеря и через некоторое время ставший известным для одних как бандит, для других как защитник от притеснений власти, укрылся в тайге. Судьбой было также суждено, что после ареста Соловьева бывший красный партизан Перевалов устроил расправу и удушение 94 крестьян в селе Шарыпово. (За что был осужден советским судом. На суде он сказал: «*Виноваты ли мы в совершенном преступлении, или виновата революция, тот длинный путь, которым мы шли? Я зверь, я привык к трупам, я тащил их за собою все эти годы. Я убивал за Советы. Мысль о смерти стала привычной — все равно умирать...*»(4). Оставшиеся в живых примкнули к отряду Соловьева, сформировавшемуся в своей основе осенью 1920 года...

(Продолжение следует.)

• Публикация подготовлена на основе записанных ведущим рубрики воспоминаний Тамары Андреевны О-вой (1928 г.р.), племянницы Ивана Николаевича Соловьева (специально не называю ее фамилию, чтобы избавить от нашествия досужих любопытных...); Клавдии Алексеевны Астанаевой (1916 г.р.), племянницы Сергея Власьевича Астанаева (1932 г.р.), племянника Селиверста Захаровича Астанаева, начальника разведкоманды отряда И.Н. Соловьева; Петра Николаевича Конгарова (1905 г.р.), непосредственного свидетеля и участника событий тех лет; информации, полученной от доктора исторических наук В.Я. Бутанаева, кандидата исторических наук А.П. Шекшеева; впервые печатаемых рассекреченных материалов из Центрального государственного архива Республики Хакасия (ЦГАРХ) (фонд 14), а также ранее изданных документов и воспоминаний.

Поскольку публикация предназначена для газеты, а не научного сборника, ведущий рубрики использует стиль документа лишь в необходимых случаях.

Фотографии (из семейного архива Т.А. О-вой) публикуются впервые.

Анна Николаевна, Лукерья Петровна и Елизавета Николаевна Соловьевы.

• ОСТАНОВИТЬСЯ, ОГЛЯНУТЬСЯ •

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ КАЗАКА ИВАНА СОЛОВЬЕВА

Рубрику вед
Алексей АННЕ

(Продолжение. Нач. в № 32)

Начало двадцатых годов для Сибири было временем, когда после падения режима Колчака за Урал переползала политика и идеология «военного коммунизма». И даже после замены продразверстки продналогом продолжалась эпоха «бури и натиска». Нарком просвещения А.В. Луначарский говорил позднее: «Надо было прежде всего провозгласить во всей полноте наши идеалы и беспощадно сокрушать то, что к нам не подходит...» [5 В.И. Ленин, обосновывая переход к новой экономической политике (НЭПу) в 1921 году, вынужден был признать: «Пришлось... идти далеко в области экстренных коммунистических мер, дальше, чем нужно...» [5

«ПОЛКОВНИК ЗАК» И ДРУГИЕ

В этих условиях Соловьев не испытывал недостатка в пополнении своего отряда.

Историки пишут: «Отряд Соловьева был организован по подобию регулярной воинской части и состоял в разное время от 6-15 до 200-500 всадников, одетых то в казачью с лампасами и погонами, то в красноармейскую форму и имевших на вооружении не только трехлинейки, револьверы и гранаты, но и 3-4 пулемета разных систем (есть сведения и о 4 орудиях)... На территории Минусинского уезда находились и более мелкие группы, возглавляемые С.Астанаевым, М.Майнагашевым, М.Щадриным, Н.Кулаковым, Г.Родионовым, А.Кийковым и др. Бандитские группы то входили в состав отряда Соловьева, то, отколовшись от него, находились в разных волостях и действовали самостоятельно» [7 *(Соловьев будто бы говорил: «Ребята хоть и послушливы, да ведь, бывает, и самовольничают». Тем не менее, для властей и населения они представлялись единым соловьевским отрядом — А.А.).*

«Соловьевцы вынуждены были заготавливать продовольствие, «приобретать» лошадей, добывать обмундирование и другие товары первой необходимости — и без грабежа крестьян они не обходились. Нападали, в основном, на крупные селения, улусы, коммуны, рудники. Забирали хлеб, золото, уводили скот *(на захваченной чоновцами базе отряда были обнаружены 300 туш замороженной конины — А.А.)*, грабили кооперативные лавки, пополняли запасы оружия, убивали коммунистов. Грабеж особенно усиливался осенью (приготовление запасов на зиму) и весной (после окончания зимовки)... Значительную часть отряда составляли «инородцы». Кроме них к движению примкнули коестьяне, недовольные продразверсткой и соответственно Советской властью. Рост численности шел и за счет насильственной вербовки: были случаи, когда Соловьев арестовывал всех членов комячейки, увозил их в тайгу и приказывал тем, кто был согласен поступить в отряд, пристрелить коммунаров, которые отказались. После совершенного «добровольцы» уже не могли вернуться иначе, чем пойти под суд за убийство своих же товарищей» [8

«Некоторые соловьевцы жили семьями, другие — обретали себе жен по назначению атамана. Как правило, молодых женщин уводили и заставляли жить в отряде под угрозой уничтожения их родственников». Были в отряде белые офицеры, пробиравшиеся в Монголию в белые части, но оставшиеся в отряде, красноармейцы, перебежавшие на сторону Соловьева, в «партизанах» пребывали, например, некий Г.Янгулов, доставивший от своего аального общества Соловьеву 50 седел и хлеб, но чем-то не угодивший атаману и поротый им плетью, потерявший документы и поэтому бежавший в «банду» больной 17-летний Носков...[9

В архивах сохранились донесения агентов ЧОН об организации отряда:

«Соловьев Иван Николаевич... Примерно 1894 года рождения *(выше я писал, что, видимо, 1890 г.р.)*. Отец 60 лет, завхоз банды. Начальник штаба — Макаров Алексей Кузьмич, полковник царской армии *(на самом деле Зиновьев А.К., 43-х лет, в прошлом выпускник Самарского сельхозучилища, работал агрономом в Кузнецком уезде. Называл себя то «полковником Макаровым», то «полковником Заком»; в отряде была также его жена Вера Зиновьева, печатавшая на пишмашинке прокламации и воззвания, которые А.К. Зиновьев зачитывал и разъяснял населению)*. Адъютант — Королев Владимир Иванович, 28 лет, прапорщик, имеет образование агронома. Носит форму с погонами прапорщика, погоны желтого цвета *(В.И. Королев, 24-х лет, закончил три курса среднетехнического училища, бывший колчаковский доброволец)*. Завразведкой — Астанаев Сильверст Яковлевич, 26 лет, из инородцев улуса Чарков, Синявинской волости *(правильно — Селиверст Захарович, подробнее о нем далее)*... Создан суд чести. Имеется молитва «Спаси, Господи, люди твоя и сохрани достояние твое...» Существует ежедневная вечерняя перекличка, группирующая банду. Банда именуется «Горно-конный партизанский отряд (им. Великого Князя Михаила Александровича)». Все вооружены винтовками, шашками, револьверами, имеется артиллерия. Обмундирование одинаковое, добротное, хорошее. В банде имеют все большую сознательность, на почве этого распоряжения выполняются беспрекословно и сознательно. Обращаются друг к другу «Господин такой-то»... В банде имеется книга приказов, например: «Категорически запретить самовольные обыски у населения. Соловьев».

«Как сами крестьяне определяют кулака, середняка и бедняка — «Здесь зажиточных почти нет. Вот Колмогоров запрягает 3-4 лошади. Есть 10 овец, 3-4 коровы, 2 свиньи, его считают кулаком, а по-нашему его даже зажиточным назвать нельзя. Наш «богач» был бы в другом месте бедняком... Много празднует, от того и бедняк».

Другой документ: «Банда Соловьева. Соловьев Иван Николаевич, из крестьян Форпоста, в банде с 1920 г. Состав банды с 1 июля по 1 августа до 40 человек. С 1 августа по 8 октября — 420 человек...» [10.

В отряде имелось трехцветное знамя с надписью «За Веру, Царя и Отечество»...

ЧЕРТЫ ВРЕМЕНИ

Ленинское «дальше, чем нужно» на местах выливалось в неприкрытый террор властей против любого инакомыслия. Тем более, что проводниками политики Центра были, мягко говоря, не идеальные люди, а порой откровенные убийцы, в том числе и из бывших «красных» партизан (М.П. Перевалов, П.Л. Лыткин)...

Об обстановке, в которой формировался и действовал отряд Соловьева, свидетельствуют рассекреченные материалы Комиссии Сибкрайкома, обследовавшей Чебаковский район Хакасского уезда.

«В Хакассию, — докладывал председатель комиссии, Сибпрокурор П.Алимов, — ехать работать никто не хочет, местные работники в большинстве случаев присланы сюда насильно и подбор их удачным назвать нельзя. В производстве уполномоченного Губ. КК [Губернской контрольной комиссией Губкома РКП(б)] имеется до 30 разных дел... Больше всего дела эти касаются уездных работников: пьянство, дебоши, должностные преступления. Среди технических работников преобладают люди с темным прошлым. Комиссия по чистке признала подлежащими увольнению до 90 процентов... Вражда между хакассами и русским населением *(на почве захвата последним пастбищных земель местного, «инородческого» населения — А.А.)* поддерживается и в самом Укоме [Уездном комитете] РКП(б), причем здесь она выражалась в столкновениях между членами Укома. Никакой национальной работы в уезде не ведется, вся работа сводится к тому, чтобы хакассы никакими привилегиями не пользовались...»

«В беседах сами крестьяне определяют свой район (центр — село Чебаки) таким образом — «Здесь нет зажиточных крестьян. Здесь все крестьяне покупают хлеб. Заморозки у нас убивают хлеб... Мы раньше работали на приисках, к хлебопашеству непривычны... Здесь плохое место для хлебопашества...»

Справедливости ради надо отметить, что среди советско-партийных работников были и выдающиеся люди. Например, Георгий Игнатьевич Итыгин, 1873 года рождения, член РСДРП(б) с 10 марта 1917 года. Отец его Игнатий Васильевич — хакас, а мать, Матрена Сергеевна — из русских крестьян. В описываемое время он был руководителем хакасской секции отдела народного образования Енисейского губисполкома, а также председателем выездной сессии губернского ревтрибунала и председателем комиссии по ликвидации банды на юге Енисейской губернии.

В январе 1924 года стал председателем ревкома Хакасского национального уезда, а в ноябре председателем уездного исполкома...

«ГАЙДАРОВСКИЙ» ЭПИЗОД

В отличие от усиленно насаждавшегося в годы Советской власти представления, что чуть ли не главную роль в ликвидации «банды» Соловьева сыграл будущий известный детский писатель Аркадий Гайдар (Голиков), в действительности его реальная роль в этом незначительна. Если и можно говорить о каких-то результатах его «деятельности» в Хакасии, то они сводятся к тому, что местное население еще больше стало не доверять властям. «Соловьев, когда узнал о Голикове, — вспоминал Алексей Васильевич Янгулов, — о том, что тот расстреливал без суда и следствия хакасов и спускал под лед, сказал: «Теперь хакасы все ко мне в отряд придут, больше никто не поверит чоновцам». Да и правда многие солдаты красные убежали и хакасы тоже к Соловьеву, любили его, спасались от смерти...» [12

Аркадий Голиков прибыл в Енисейскую губернию 19 марта 1922 года. Конечно, хакасские тахпахи не исторический источник, но, как говорится, из песни слова не выкинешь:

«Тихим ветром дышала страна матерей, Журчала реками наша страна, Полной чашей была страна матерей, В крови и пепле лежит она. Опустошил ты землю красивую нашу, Кровью ты залил ее, Аркашка.

Направо, налево ты стреляешь и рубишь, Мой добрый народ беспощадно ты губишь. Отольются тебе наши стоны и плач, Голиков — палач. Отольются тебе все слезы наши, Будь ты проклят, палач Аркашка».

(Лит. обработка В. Солоухина)

Вспоминает Петр Николаевич Конгаров:

— Голикова я встречал весной 1922 года, когда он с отрядом побывал в нашем аале Пора-чул. С собой чоновцы привезли двух арестованных пастухов, у которых соловьевцы зарезали пять баранов и, наполнив арчимахи (кожаные сумки) бараниной, скрылись. Перед отъездом пригрозили — если донесут, найдут и расправятся. Их, отъезжающих, чоновцы видели, но преследовать не стали, хотя отряд насчитывал почти сорок человек, а соловьевцев было пятеро. Вместо этого они арестовали пастухов — Савалина Рудакова и Кирилла Кичеева. И стали допрашивать: «Кто был?». Те отвечали: «Никого не было». Их избили и привезли в наш аал. Весь отряд разместился в доме, где жила наша семья, отец у нас разводил коней, и вечером наши женщины приготовили им обильный ужин. Связанных спиной друг к другу пастухов посадили на пол в одной из четырех комнат, где разместились на ночлег. Весенняя ночь коротка, но на рассвете Кириллу все-таки удалось освободиться от веревки, он помог Савалину. Они выбрались во двор, прошли за амбары, переплыли речку и двинулись к лесу. К несчастью, их заметил красноармеец, вышедший справить нужду, и поднял тревогу. Савалина, с трудом бежавшего из-за побоев, пристрелили около ручья, а Кирилл успел скрыться в лесу. Расстроенный Голиков, вернувшись в наш дом, сел на перила крыльца, вынул из деревянной кобуры маузер и стал стрелять голубей, сидевших на флигеле. Правда, попасть н Я попросил комбата прекратить стре так как во флигеле лежала наша бо мать. Он посмотрел на меня презрите но стрелять перестал.

— Сколько Вам тогда было лет, Николаевич?

— Мне шел восемнадцатый, а Гол было 18 лет... Потом я узнал, что Го вновь поехал искать подпаска Кирил чеева. Но его не нашли, а арестовал Кирилла и у озера Чирим расстрелял рика... Характерно, что к моей сестр теля несколько раз приводили школь чтобы она им рассказала о любимо ском писателе Гайдаре. Все знали, ч ряд Голикова был у нас. А что она сказать? Никто не осмеливался расс о трагедии с пастухами. Сестре не хо разочаровывать детей, да и учителя бы не поверить, а донести в соответ щие органы...

Всего лишь два месяца с небольши был будущий Гайдар в Хакасии. Посл гочисленных жалоб губернским власт отозван, и уже 3 июня 1922 года был дено «Дело № 274 по обвинению б мандира войск ЧОН т. Голикова Аркад ровича в должностных преступлениях зившихся в самочинных расстрелах ключении по делу № 274 командующ губернии В.Какоулин писал: «Мое вп ние: Голиков по идеологии неуравно ный мальчишка, совершивший, по своим служебным положением, цел преступлений». Был предан суду, н отделался, видимо, благодаря влия защитникам из Центра. В Красноя писал в автобиографии: «Вследстви утомления, вызванного 5-летним пре ем на командных постах в Красной получил острое расстройство нервн темы, требующей серьезного и осно ного лечения... Сейчас мне около Б[ывший]. Командир 58 отд. полка а подавлению восстаний — ГОЛИКОВ

И если говорить о том, что он пр хакасскую землю, то прежде всего распространение института заложн

«Выписка из приказа № 014/К г густа 1922 года. Напоминание об тельном объявлении населению р расстреле заложников. П.1. За на на гарнизон Туима банды Соло убийство ими красноармейца на Юлия расстрелять заложников: 1. Александру (26 лет); 2. Боброву Е (24 года); 3. Боброву Марию (17 убийство в с. Ужур зампродком т. Эхиль расстрелять заложников жикову А. (10 лет);. 2. Рыжикову П. 3. Фугель Феклу (15 лет); 4. Мон (20 лет); 5. Байдурова Матвея П.2. Для широкого распростра объявлении населению сообщит фамилии заложников *(скрыв воз А.А.)*. **Подписано: ком. вооруженн лами Ачминбойрайона Какоулин комчонгуб Лашкевич»...**

В ответ появились обращения ва «Ко всему населению»:

«Советская власть вступила н путь борьбы с белой партизан Власть хватает и расстреливает р ников партизан. Мы всегда были у том, что эта власть, кроме обмана кости, кроме крови, ничего не в с населению, но все-таки полагали, ч принадлежит хотя и жестоким, но но здоровым. Теперь этого сказат Власть арестовывает партизанс ственников от семилетнего возр разве придет когда-нибудь мысль ному человеку наказывать семиле бенка за действия сорокалетнего нечно же, нет. Но власть не тольк вает, власть убивает, уничтожает ли быть более дикое распоряжени которое делается советской влас

Мы, белые партизаны, отн пролитию крови отрицательно. Не соблазн отомстить Советской в считаем себя вправе идти по ее пу масбродство и кровожадность р мы не можем поднимать оружие п тей коммунистов, мы же будем на нашу борьбу против самих коммун только расстреливать их не как литических врагов, но как враго как врагов своего народа. Есаул 1922 год.» [14

(Продолжение

• ОСТАНОВИТЬСЯ, ОГЛЯНУТЬСЯ •

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ КАЗАКА ИВАНА СОЛОВЬЕВА

Рубрику ведет Алексей АННЕНКО

(Продолжение. Нач. в №№ 32-33)

Утверждение, что Иван Николаевич Соловьев «был один из первых борцов с тоталитаризмом»[15], слишком категорично. Наверное, нет. Хотя бы в силу того, что привнесение этого термина, возникшего в фашистской Италии в начале 20-х годов, в конкретно-историческую обстановку Хакасии является откровенной натяжкой. Говорить о восстании и осознанной борьбе со складывающейся политической (государственной) системой, которая стремилась к полному (тотальному) контролю над всей жизнью общества в целом и над жизнью каждого человека в отдельности, не приходится.

Власть сама создавала себе врагов и сама объявляла против них террор. Был стихийный протест против несправедливости власти. Документы свидетельствуют, что ей был не так страшен уголовный бандитизм, как страшен протест против господства ее — власти (она называла его — «политический бандитизм»(?!). Соловьев не был политическим деятелем. Это был русский человек, который уживется с любой властью, если она «здравомыслящая». К сожалению, его личный опыт свидетельствовал, что новая власть таковой не является. Если мы примем за правду, что уже тогда его называли «императором тайги» (если это не придумали кинематографисты для звучного названия известного фильма), то можем с уверенностью сказать: в «императоры» казака Соловьева короновала сама Советская власть своим неприкрытым насилием против всех инакомыслящих.

И даже против тех, кто вступил с ней в конфликт по тем или иным житейским обстоятельствам.

«Я — СЕЛИВЕРСТ...»

Одной из наиболее ярких личностей в отряде Соловьева был Селиверст Захарович Астанаев. А. П. Шекшеев называет его «человеком развитым, способным воевать с советской властью и обманывать ее». Дед его — Яков Астанаев — был женат на русской крестьянке Екатерине Терских. У них было пятеро сыновей. У старшего — Захара, проживавшего в аале Чарков, и родился (предположительно в 1896 году) будущий выпускник Томского университета, советский работник, начальник разведки соловьевского отряда. По воспоминаниям ныне живущих родственников (например, племянницы К.А. Астанаевой, племянников С.В. Астанаева, В.И. Чаркова), с детства Силька, как его звали, был незаурядным человеком: хорошо учился, играл на гармошке, пел в церковном хоре так, что из окрестных селений приходили специально его послушать.

— Был он шустрый, шутник, — говорит Клавдия Алексеевна. — Где он — там уже всегда хохочут или шумят. Такой живой был. Я маленькая была. Но помню, что любил он меня. Ему даже из-за меня не разрешал мой отец, его брат, к нам приходить. Если заходил, то украдкой. Я увижу, вцеплюсь и не отпускаю. Вплоть до того, что у нас ночевать заставляла...

Он закончил Томский университет. По возвращении домой работал секретарем сельсовета в Уйбате. Женился на Дарье Инкижековой и имел малолетнего сына Василия. На досуге любил играть в карты. Это пристрастие и повернуло его судьбу. Однажды зимним вечером он выиграл значительную сумму у плутоватого местного картежника. Вернувшись домой, лег спать. В ту же ночь проигравший донес властям, что якобы Селиверст допускает антисоветские высказывания и связан с «бандой» Соловьева. Когда приехали его арестовывать, то ему, босому, полураздетому, удалось скрыться в соседней деревне. Так началась его «бандитская одиссея».

— Неужели он не смог бы оправдаться? — спрашиваю у Клавдии Алексеевны.

— Нет. Сбежал и боялся вернуться. Тогда, учтите, такое было время. Вопросов-допросов не было. Человека берут и увозят. А увезли, значит — все. Мало, что ли, поубивали ни за что. И он думал, что его или посадят, или убьют. Никто бы и не спросил...

Грамотный, бесшабашный, хорошо знавший местность Селиверст Астанаев сыграл значительную роль в «прекрасной организации», как пишет историк Г.М. Северьянова, отряда Соловьева. Кстати, по одному из свидетельств, он присоединился к нему после того, как Соловьев пригрозил расстрелом за неподчинение. Г.М. Северьянова добавляет: «У Соловьева хорошо была развита агентура: организатором шпионажа был Астанаев Селиверст Яковлевич (Захарович), умело вербовавший в отряд инородцев...»[16].

В народной памяти он сохранился человеком добрым и отчаянной храбрости. Его престарелая родственница Аграфена говорила: «Силька-то добрый был, такой добрый! Он часто у меня бывал. Где-то с гор в бинокль увидит, что у меня затоплено, и приходит утром. Обнимет, поговорим, покушает. Однажды попросил приготовить араки на день рождения кому-то из товарищей. Я приготовила, уж так он благодарил...» У этой же родственницы, рассказывал Гавриил Матвеевич Барженаков, его однажды застали «красные». Спросили: не знают ли, где Селиверст. «Я — Селиверст», — сказал им разыскиваемый, прыгнул в седло и поскакал. Те за ним, шестеро их было. Селиверст пятерых подстрелил, а шестой повернул назад. «Бандит» его догнал и говорит: «Я тебя специально в живых оставил, чтобы ты вернулся и передал своим — Селиверста вам не поймать»...

Рассказывают и такой случай. Аксану Кучендаеву сильно нравилась родная сестра Селиверста — Александра. И решил он ее «скарамчить». Удалось. Уже начались приготовления к свадьбе, когда в селе появился вооруженный всадник. «Что за шум?» — спрашивает. «Да вот, Аксан Кучендаев берет в жены Александру Астанаеву». «Позовите жениха». Выходит Аксан, узнал Селиверста. Тот спрашивает: «Ну, что? По согласию женишься-то или нет?» Тому делать нечего: «По согласию», — говорит. «Зовите невесту». Выводят Александру. «По согласию, сестра, замуж выходишь?» «Какое согласие! Силой он меня привез».

— Достает Сильку из кобуры револьвер, — рассказывал потом сам незадачливый жених Сергею Власьевичу Астанаеву. — Ну, думаю, конец мне пришел, застрелит Силька. А он как шарахнет мне рукояткой по скуле, я и с ног слетел. Забрал Александру и уехал...

Несмотря на эти полулегендарные воспоминания о личности и характере «Сильки» Астанаева, может быть, права одна из его родственниц, которая сказала: «Тогда не различали, кто «бандит», кто «красный». Которые лучше, поди разбери. Население и не понимало. Было же беззаконие, кто-нибудь наговорил на кого-то — приехали, увезли... Я его не жалею — кровь на нем. Поэтому, наверное, и линия его пресеклась — и сын, и внук умерли...»

Но, думаю я, разве он виноват, что даже советского работника не оставляла мысль о внесудебной расправе...

Несколько забегая вперед, скажу, что в ноябре 1923 года на первом судебном процессе над «соловьевцами» в Красноярске Селиверст Захарович Астанаев являлся одним из главных обвиняемых и 23 ноября был приговорен к смертной казни. Есть сведения, что в тюрьме он сочинял и пел песни на хакасском языке, которые позднее слышали и на его родине...

ЧЕРТЫ ВРЕМЕНИ

С начала 1921 года в Минусинском уезде было объявлено военное положение. Хотя это и объяснялось необходимостью борьбы с бандитизмом, но не менее важной задачей было выколачивание продовольствия, которое своей жестокостью превзошло практику коммунистов в Центре.

Парадокс времени, но в репрессиях против населения весьма активную роль сыграли бывшие борцы за Советскую власть, например, Павел Львович Лыткин, бывший «красный партизан». Отряд, посланный в Абазу по указанию уездной ЧК, быстро ликвидировал конфликт между администрацией и рабочими Абаканского железоделательного завода. Лыткин без суда расстрелял в полном составе Совдеп в одном из окрестных сел, 40 жителей в поселке, курсистку и агента райпродкома. В Больших Арбатах были расстреляны и полуживыми сброшены в колодец 34 жителя. Принимая участие в борьбе против «банды» Соловьева, отряд Лыткина совершил немало «подвигов», приписанных позднее А.П. Голикову-Гайдару. Так, партизаны, с одной стороны, являлись опорой коммунистического режима, с другой — анархиствующими распространителями красного бандитизма и сепаратизма[17].

«Сотни, если не тысячи погибших крестьян, зверские расправы с честнейшими работниками, разоренные хозяйства, осиротелые семьи, пьянство, грабеж — вот чем опозорено имя славных партизан», — писала одна из сибирских газет[18].

Не отставали и чоновцы. Из приказа по Ачинско-Минусинскому боевому району: «... Прибывший из штаба ЧОН Сибири товарищ Никитин в улусе Ораштаев и Иткуль занялся сбором продовольствия для бойцов-инородцев эскадрона, а попутно с этим арьяна (араки — самогона) уже лично для себя и для своего победоносного отряда. В результате этого похода явилось следующее: бандитами тов. Никитин поинтересоваться забыл, а вместо того, напившись, очевидно, до полной потери сознания и приличного состояния, назвав населению себя Соловьевым, а своих бойцов бандитами, стал заниматься вымогательством продовольствия и самогонки, угрожая оружием и даже применяя его, угрожал расстрелами и проч. Наконец, очевидно, совершенно потеряв человеческий облик, с наганом в руке предъявил жене одного сельчанина улуса такое требование, которое мог предъявить лишь дикарь, совершенно лишенный понятия о чести...»

Из сводки по отделу управления Ачинского Уисполкома:

«Общеполитическое положение уезда за апрель таково: в районе Кизильской волости, заселенной исключительно инородцами, оперирует банда казака Соловьева, исключительно конная, хорошо вооруженная, имели даже аппараты Шоша, насчитывавшая первоначальное ядро человек в 70, постепенно увеличилась приблизительно в два раза за счет присоединения местных инородцев. Борьба с бандой очень затруднительна, вследствие местных природных условий, представляющих из себя горную цепь, сплошь покрытую таежным лесом, трудно доступную, кроме того банда пользуется большими симпатиями среди населения, что в союзе с малодоступностью места операции банды делает ее почти неуловимой. К ликвидации банды приняты все возможные меры... Кроме того, приняты чисто моральные меры противодействия — выпущено воззвание к инородцам, как элементу, пополняющему банды, с гарантиями неприкосновенности личности и имущества рядовых бандитов в случае сдачи ими оружия и добровольной явки в распоряжение властей. Командированы специальные агитаторы из инородцев — членов РКП.

Настроение населения нужно признать неудовлетворительным — одной из главнейших современных причин понижения настроения является недостаточное снабжение населения, истощенного разверстками, семенным хлебом или не отвечающее местным условиям распоряжение имеющимися запасами семян. Есть недоразумения на почве забронирования семян, как продовольственного хлеба... *(т. е. забирали все подчистую, даже семенную пшеницу — А.А.)*»[19].

Сравните:

«Более затяжной была борьба с крупной бандой Соловьева, действовавшей в северо-западных районах Хакасии. Она состояла из отъявленных врагов Советской Власти — колчаковских карателей, кулаков, баев, уголовных элементов. К ней примкнули байские банды Кулакова, Ямандыкова. В целях обмана бандиты выдавали себя за «защитников народа». Путем угроз и запугиваний, разжигая национализм, бандитам удалось завербовать в свои ряды немало трудящихся, особенно коренной национальности.» *(Очерки истории Хакасии. Советский период. Абакан, 1968, с 69-70.)*

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

К осени 1922 года противостояние «соловьевцев» и властей настолько обострилось, что Центр был вынужден послать на борьбу с Соловьевым слушателей военной академии Пудченко и Кравченко. (С ними был знаком П.Н. Конгаров: «Культурнейшие люди были. Они ездили на наших конях, которые им очень понравились. Уставших Рыжку и Игреньку отсылали к нам, а отдохнувших и подкормленных коней я им отводил. Когда их отозвали в Москву, заехали поблагодарить отца за добрых коней. Я их отвозил до Ужура».)

Была изменена тактика военных действий против отряда Соловьева. Они привлекли к борьбе с ним бывших красных партизан, способных воевать в сложных природных условиях горной тайги. Были созданы 4 истребительных отряда. Узнав об этом, встревожилось местное население. Опасались, что партизаны отомстят за сражение под Очурами, где хакасские дружинники под началом молодого есаула Тудоякова разбили один из отрядов партизанской армии П.Е. Щетинкина. (Их опасения впоследствии оправдались.) Г.И. Итыгин обратился к командующему Пудченко с предложением сформировать отряд из добровольцев-хакасов для совместных действий против отряда Соловьева. Такой отряд под руководством Николая Афанасьевича Спирина, члена сельсовета аала Порачул, был создан. Итыгин и Спирин исходили из того, что хакасский отряд оградит свой народ от насилия щетинкинцев. Они также надеялись решить соловьевскую ситуацию мирным путем. Этим надеждам не было суждено сбыться...

7 ноября 1922 года отряд в 360 чоновцев с 7 пулеметами под командованием Г.А. Овчинникова вышел к стоянке Соловьева на Поднебесном Зубе.

Рассказывает Петр Николаевич Конгаров:

— У «соловьевцев» ночью атаман, как обычно, беспрестанно обходил посты. При одном из обходов не застал на месте Чарочкина, казалось бы, надежного соратника, и заметил на снегу лыжный след, ведущий под гору. Он двинулся по следу. В чащобе его потерял. Как позднее мне рассказывал Николай Спирин, Чарочкин, услышав погоню, влез на дерево и притаился. Почувствовав себя в безопасности, он двинулся к лагерю чоновцев, где и рассказал Пудченко о местоположении зимовки и дороге к ней.

Соловьев же, вернувшись, объявил о предательстве Чарочкина *(по некоторым сведениям, отрицаемым П.Н. Конгаровым, чекистского агента — А. А.)* и приказал уходить. Взяли с собой продукты и одежду — столько, сколько могли унести. Все оставшееся, в том числе и жилье, сожгли. Преследовать их чоновцы не стали. Чарочкин заверил Пудченко, что укрыться соловьевцам все равно негде, и они двинутся в подтаежные аалы. Чоновцы разместились в предгорных поселениях и, действительно, голодных и обмороженных «бандитов», в том числе женщин и детей, пленили «голыми руками». Соловьев же с частью своего отряда ушел и не был схвачен...

Если верна дата 7 ноября, приводимая А.П. Шекшеевым, то у него осталась значительная часть отряда. В республиканском архиве хранится документ под названием «Списки белобандитов, составленные вожаком банды — Соловьевым». Под этими списками стоит его подпись «Командир Конногорного Партизанского отряда Соловьев» и дата «12/X1 22 года». По его подсчетам, сделанным 12 ноября: «Итогу партизан и партизанок 93 человека». Отряд разделен на два эскадрона «партизан» (под командованием Кулакова Никиты и Путинцева Василия Григорьевича), «партизанок» (среди которых «27. Соловьева Настасья» — жена и «28. Соловьева Лукерья» — мать командира) и «нестроевые» (три человека, в т. ч. — «1. Соловьев Николай Нестерович» — отец). В эскадронах состояли 54 человека. Среди «партизанок» записаны дети, например, «12. Яковлев Андрей, мальчик», «4. Авдорина Александра и мальчик», «24. (Фамилия неразборчива) Акулина; 25.(прочерк фамилии) — мальчик»[20].

Не всех после 7 ноября брали «голыми руками» . Рассказывает П.Н. Конгаров:

— После разгрома зимовья Кулаков *(Никита Кулаков, комэск — А. А.)* с женой Манан *(видимо, хакасский вариант имени, в списке Соловьева три Кулаковых — Марея, Матрена, Марина — А. А.)* раздобыли лошадей и появились близ аала Тогыр-чул, где жила моя тетя Мондай. Здесь наткнулись на чоновцев и стали уходить от них. Чоновцы подстрелили лошадь Манан. Заметив это, Кулаков стал стрелять в жену, но лишь ранил ее. Сам же ускакал. Загнав лошадь, голодный, промерзший, добрел до заимки Спириных, родственников Спирина, боровшегося с Соловьевым. Там, объявив, что он — Кулаков, с пистолетом в руке просидел на пороге всю ночь. Утром его накормили, оседлали хромую лошадь (все здоровые были по приказу угнаны). В это время подъехал боец из отряда Спирина. Завязалась перестрелка. Лошадь Кулакова была убита. Он добрался до горы Улуг-таг, на вершине которой соорудил укрепление из камней и перебил из него многих атакующих.

Н.А. Спирин приказал привезти пленного ординарца Кулакова. Его заставили под угрозой расстрела пойти и убить бывшего командира. Кулаков, узнав приближающегося к нему, спросил: «Зачем пришел?». Тот ответил, что Спирин предлагает сдаться и обещает сохранить жизнь. Переговариваясь, ординарец подошел к Кулакову вплотную и застрелил его. К тому времени от зимней стужи, от полученных ран его бывший командир был уже на грани смерти... Замороженный труп Кулакова долго стоял прислоненным к зданию штаба командующего отрядом ЧОН в станице Форпост...

(Окончание следует)

На снимке: С.З. АСТАНАЕВ (в центре) с друзьями.

Фотография из архива семьи В.И. Чаркова. Публикуется впервые.